

важнейшее условие дальнейшего развития России. В этом осознании есть потребность и необходимость использовать идейный багаж, накопленный в нашей культуре, в частности в русской философии. Идеи русских мыслителей показывают, что социальная и экономическая реальность должна быть осмыслена, прежде всего, категориями ценностного смысла. В таком понимании идеи предстают как духовно-нравственные ориентиры всех последующих действий в процессе воспитания и образования, в процессе жизни нашего народа.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Н.А. Бердяев. Судьба России. М., 1998.
2. Ильин И.А. Частная собственность // И.А. Ильин. Путь к очевидности. М.; 1993.
3. Мещангина Е.И. Основные проблемы воспитания студентов в системе высшего образования (1990-2000 гг.) / Е.И. Мещангина // Теория и практика общественного развития. 2013. №3.
4. Степун Ф.А. Мысли о России // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.
5. Струве П.Б. Россия // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.
6. Франк С.Л. Собственность и социализм Россия // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.
7. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. // Русская философия собственности (XVIII – XX вв.). - СПб. СП «Ганза», 1993.

Массовое сознание в философии Э. Фромма

к.ф.н. доц. Вильчинская Л.З.
Университет машиностроения
yulia_golovko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепция массового сознания Эриха Фромма. Проанализирован феномен деструктивности в современном западном обществе. Проводится сравнение позиции Э.Фромма и других представителей психоаналитической философии.

Ключевые слова: масса, массовое сознание, деструктивность, гуманизация, мегамашина, цивилизация.

Во многих антропологических теориях давно были поставлены проблемы массового сознания, и эти проблемы становятся все более актуальными. Понятия «масса» и «массовое сознание» рассматриваются с разных точек зрения. Так, Д. Белл обратил внимание на то, что они трактуются относительно множества людей, принадлежащих, например, классу, и как аудитория средств массовой информации, ставшая автоматизированной, не имеющая ни традиции, ни собственного мнения, как «синоним невежества» (выражение Ортеги-и-Гассета). С точки зрения других философов, масса – это механизированное множество и дегуманизированный элемент общества. М. Вебер увидел в этом явлении людей из управленческих слоев, полностью подчиненных и потерявших поэтому самоуважение и находящихся в состоянии страха и неудовлетворительности. Г. Лебон определял массу как толпу, в которой люди проявляют себя в форме массового психоза и действуют на основе инстинктов.

В этих и других подобных характеристиках массы и массового сознания содержится негативный оттенок. Многие мыслители XX века, создавшие концепции массового человека, увидели в нем источник угрозы существованию современного общества и самого человека.

Наиболее глубоко и всесторонне подошел к исследованию этих проблем Эрих Фромм, который также обнаружил феномен разрушительности, деструктивность в массовом сознании как парадоксальную философскую антропологическую проблему. В его работах очень глубоко и всесторонне рассмотрены вопросы, связанные с сущностью человека. Фромм обнаруживает в массовом человеке не только негативные моменты, но и способность изме-

ниться.

Как и вышеупомянутые мыслители, а также Зб. Бжежинский, Г. Ран, Ж. Эллюль, Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Л. Мэмфорд, Э. Фромм считает, что в полностью механизированном, стремящемся к максимальному производству и потреблению и к управлению с помощью компьютеров современном обществе уже сейчас воплощается страшный призрак, предвещающий человечеству гибель. По словам Фромма, в этом технотронном обществе («мегамашине»), «таится опасность умирания человеческой души, потери контроля над собственной личностью», в нем причина деструктивного синдрома и конформизма, столь характерных для массового сознания. Связывая изменения человека с изменением общества и используя в своих многочисленных работах огромный эмпирический и теоретический материал, Фромм выступает не только как выдающийся философ и психолог, но и как социолог, этнолог, культуролог и футуролог. Его можно считать создателем совершенно нового подхода к антропологическим проблемам, приведшего к важным актуальным выводам.

Оттолкнувшись от психоанализа, платформу которого он считал недостаточной для проникновения в проблему, Фромм посмотрел на человека не только как на носителя психической сущности, но и как на социальное существо (биопсихосоциальное), сформировавшееся в конкретных исторических условиях, где биологическое и психическое преломляется через социальное. Многолетние размышления Фромма о человеке оказались философскими размышлениями об обществе – его прошлом, настоящим и будущем. Поняв современное общество как иррациональное, болезненное и приводя многие доказательства деградации личности «массового человека», Фромм все же считает реальной возможностью гуманизации общества в результате постепенного изменения самого человека, способного осознать влияние психических и социальных факторов и измениться.

Этот вывод Фромм обосновывает в книге «Революция надежды», которая, как и его работа «Анатомия человеческой деструктивности», написана в последние годы жизни. Обе работы представляют новые моменты антропологической концепции автора и содержат большой материал для характеристики современного человека и общества. Они являются итоговыми.

Не имея возможности подробно анализировать здесь эти работы, нужно отметить, что самые важные для философской антропологии вопросы – что есть человек, почему он таков, как он изменяется, возможно ли целенаправленное изменение его характеристик – Фроммом поставлены, и на них найдены оригинальные ответы. Важно подчеркнуть, что фокусирование всего материала относится к современному человеку.

Именно последние две работы Фромма посвящены изучению современного «массового человека, впадающего во все больший кризис», который вызывает тревогу за будущее человечества. Рассматривая основные качества, характеризующие современное массовое сознание, – деструктивность, агрессивность, конформизм, Фромм ищет объяснение этим явлениям, исследуя огромный научный материал, психологические, философские и политические теории. Его работа «Анализ человеческой деструктивности» – это глубокое многостороннее исследование сущности человека, в котором Фромм все дальше уходит от концепции Фрейда, преувеличивающей биологическое в человеке. Он утверждает идею человека как социального существа, вводит новое понятие «социальное бессознательное» и выступает против инстинктуализма, который, основываясь на концепции Фрейда, подчеркивает «животную натуру» человека и определяет его чувства и поступки как основанные только на инстинктах и естественных побуждениях. Опровергая эту точку зрения, Фромм, в частности, подробно описывает результаты новых исследований в нейрофизиологии.

Рассматривая новые подходы к пониманию сущности человека, Фромм подвергает критике также идеи бихевиоризма. Он пишет, что хотя инстинктуализм видит в человеке результат развития животных предков, а бихевиоризм, наоборот, утверждает, что «человек есть результат направленного воспитания», взгляды этих течений сближаются, ибо и те, и другие видят в человеке марионетку, где на одном конце факторы врожденные, а на другом – при-

обретенные воспитанием. Они, по мнению Фромма, делают общую ошибку, так как упускают из виду личность самого человека, его свободу, его ответственность и не чувствуют действия самого человека.

Именно в этой мысли содержится главное открытие Фромма. В обеих работах окончательно утверждается концепция человека, ответственного за то, каков он есть, несмотря на огромное влияние на него условий существования. Этот вывод кажется парадоксальным.

Действительно, анализируя, в частности, сферу чувств, страстей, потребностей, ценностных ориентаций, образ жизни современного человека, Фромм описывает почти совершенно нового человека. Он утверждает, что человек не мог не измениться под воздействием «мегамашины» (термин взят из работы Мэмфорда «Миф о машине»). Этим понятием Фромм обозначает современную техногенную цивилизацию, имеющую черты тоталитарного общества. Называя это общество также технологическим и анализируя его, Фромм показывает и пагубное влияние его на людей (и на природу) и их полную зависимость от него. В частности, этому способствуют, по мнению Фромма, главные принципы «мегамашины»: «принцип обязательности того, что с технической точки зрения делать возможно», «принцип максимальной эффективности и максимальной производительности», «принцип вертикальной зависимости», «принцип всеобщего контролирования» и т.д. В результате применения этих принципов на первое место в обществе ставятся не человеческие ценности, а технические, личность учитывается только в виде перфокарты, индивидуализация становится минимальной, а «люди-единицы» легко поддаются управлению; и даже менеджеры и бюрократическая элита, в отличие от прошлого, становятся частью этой «мегамашины». В таком обществе, по мнению Фромма, «исчезает частная среда жизни людей», так как углубляется и расширяется вмешательство в нее различных учреждений. Контролирование каждого человека становится всеобщим, и даже психологическое тестирование приводит к координированию поведения в интересах технологического общества.

Что же происходит в сфере чувств человека, его потребностей, интересов и настроений? Фромм подробно анализирует эти изменения. Выводы его неожиданны и не совсем укладываются в уже устоявшиеся представления философской антропологии, психологии, социологии.

Поскольку здесь нет возможности подробного анализа взглядов Фромма, нужно отметить важнейшее. Рассматривая человеческие чувства, он подчеркивает, что они одни и те же в любом поколении и они прекрасно изучены, но объяснены неверно – «животностью человека». Фромм считает, что даже «чувства и страсти первой группы», такие как вера, надежда, любовь, нежность, сопереживание, сочувствие, ранимость, а также страх, властолюбие и другие, нельзя объяснить инстинктами. Они есть результат глубоких длительных биопсихосоциальных изменений, которые отразились в характере человека, они глубоко укоренены в бытии, в человеческом существовании.

К чувствам «второй группы» Фромм относит те, которые непосредственно связывают личность и общество. Важнейшими он считает чувство интереса, определяя его как «основную руководящую программу» и «одну из всеобъемлющих форм установления «отношений с миром», а также чувство ответственности и чувство идентичности.

Важно иметь в виду, что все чувства современного человека, изменившись под влиянием бурного развития индустриального общества, отражают состояние раздвоенности, растерянности, отчуждения. В частности, Фромм считает, что поскольку люди все больше превращаются в вещи, то налицо «кризис идентичности», который, будучи важным активным организующим центром деятельности личности, отражает несовпадение оценки поступков человека им самим и окружающими людьми и сутью человеческой личности.

Описывая изменения чувств, Фромм говорит, что изменилась их направленность, они наполнились новым содержанием, некоторые чувства исчезли или исчезают и появляются новые. Все это зависит, по его мнению, от дегуманизации общества и роста отчуждения. Характерный, особенно чувствительный дискомфорт, который испытывает личность, сохра-

нившая еще чувство ранимости и осознающая в себе Эго, связан с главным вопросом существования – «иметь или быть?» Но этот дискомфорт уже не касается тех, для кого главное – «иметь» и кто уже являет собой «мумифицированное состояние личности» и тем защитил себя в какой-то мере от внешнего мира.

Фромм отмечает, что любовь, сострадание, сочувствие не поощряются современным обществом; сочувствие не упоминается в этике капитализма как добродетель и даже считается глупостью, так как не содействует прогрессу, под которым понимается только экономический и научный прогресс. Вера, надежда и другие качества личности, являющиеся фундаментальными, как и творческое отношение к труду и инициативность, становятся все менее значимыми.

В то же время для массового сознания становятся характерными чувства (часто не осознаваемые) страха, пессимизма, неверия в свои силы, депрессии, отчаяния, ненависти, жестокости, агрессивности, нарциссизма, а также чувство неуверенности, зависимости (от всего), дезориентации, вины, дискомфорта, угрызений совести (все реже встречается), беспомощности, одиночества и жадности.

Своеобразно Фромм интерпретирует чувство жадности. В нем он видит не обычный смысл, а стремление человека к обладанию, побуждаемое обществом. Хотя это чувство и основано на потребности в выживании и является эгоцентрическим чувством, оно под влиянием общества «мегамашины» исходит из «потребности в уверенности», важной для каждой сферы жизни человека, в правильности усвоения сигналов, выдаваемых средствами массовой информации, сферой моды (на одежду, чтение, отдых, потребление культуры), сферой экономики, политики и т.д.

«Потребность в уверенности» Фромм считает одной из важнейших характеристик современного человека, в которой кроется возможность деструктивного поведения. Отмечая, что личность не является конгломератом инстинктов, которые автоматически регулируют ее поведение в различных сферах, он подчеркивает, что в ситуации выбора в решении жизненно важных проблем современный человек, лишенный многовековой опоры в религии, сомневается в своей способности самостоятельного выбора; он стремится увериться в правильности поведения, отбросить сомнения и чувство риска, опираясь на рациональное мышление, научные, экономические, политические и другие авторитеты, на рекламу, а также больше всего полагаясь на слепую веру в непогрешимость компьютерных решений. Эта потребность – важный фактор для понимания поведения человека в технологическом обществе, ибо сама формирует и многие другие потребности, превращающие человека в неконтролируемый им самим субъект потребления. А поскольку целью мегамашины, как уже говорилось, является постоянное стремление как можно больше производить и все больший рост потребления, то целенаправленная реклама создает самого человека-потребителя с его все растущими новыми потребностями. С человеком происходят дальнейшие изменения от *homo technologicus* к *homo consumereus*, он превращается в тотального бездумного потребителя, т.е. в предмет, становится частью «мегамашины», и это тоже одна из основ отчуждения и деструктивности.

Этому способствуют и другие потребности – потребность в ориентации, в объекте преданности, в выживании. Реализация их также связана с проблемами существования, которое, по мнению Фромма, находится в условиях трагической диспропорции между мыслями и чувствами, часто несознаваемыми, и приводит к утере личностью своего «Я». Все это способствует появлению описанного когда-то Г. Маркузе «массового одновременного человека», для которого, в частности, культура, различные виды искусства становятся товаром для потребления, средством избавиться от скуки, символом определенного статуса. Это не связано с глубокой внутренней потребностью, гедонизм вовсе не возникает из глубин личности, а навязанный извне заставляет человека участвовать в жизненном процессе, хотя многие идеи ему чужды. Об этом писал еще Т. Уэблен. Все равно человек, поклоняясь своим идолам, чувствует скуку, он инертен (это характерное качество для *homo technologicus*), охвачен синдромом отчуждения. Дегуманизированное общество толкает его на единственный путь спа-

сения ценой отказа от свободы – к конформизму. И таких людей много, и они, по мнению Фромма, также охвачены чувством разрушительности.

Этот путь «бегства от свободы» не единственный. Если человек не способен примириться с действительностью, если в нем, как говорит Фромм, не утихли чувства тревоги, вины, неуверенности, если он чувствует муки совести, чувство Эго не умерло в нем, то сознательно или бессознательно он может выбрать две другие возможности существования.

Подробный анализ этих форм существования личности в условиях современного технологического общества содержится в обеих упоминавшихся выше книгах Э. Фромма.

Само название книги Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» говорит о том, что она посвящена изучению все более распространяющейся в современном обществе деструктивности и агрессивности, которые становятся характерной чертой массового сознания. Фромм, основываясь на обширных материалах антропологии, палеонтологии, анализирует проявление деструктивности и агрессии в историческом плане, начиная с первобытных культур, и делает вывод, что эти качества человека не заложены в нем биологически, а зависят от социальных и исторических условий. Фромм пишет, что «хотя человек сродни многим видам животных, он уникален тем, что составляет род массовых убийц; это единственное существо, которое не годится для своего собственного общества», то есть в нем содержится синдром разрушительности. Поведение человека не регулируется врожденными стимулами, феномен деструктивности и агрессии – результат исторического развития, когда существование в обществе становится невыносимым, и страх, беспомощность, неуверенность, внутренние противоречия приводят к тому, что человек отказывается от собственной воли. Синдром насилия и влечения к убийству – это результат «загнанной внутрь себя свободы».

И Ницше, и Кьеркегор, и экзистенциалисты исследовали свободу как одну из главных ценностей. Но она рассматривается ими абстрактно или только через экзистенцию личности, связывается в основном с внешними обстоятельствами. Рассуждения М. Хайдегера о «бытии вообще» кажутся Фромму недостаточными для понимания феномена современного человека и качеств деструктивности и агрессии в нем. Он считает, что эти качества зависят от внутренних духовных сил и направления воли, они возникают в условиях, когда человек ощущает невозможность реализовать свои влечения, стремления, потребности, то есть они коренятся в глубинах человеческого бытия. В условиях этого противоречия и происходит «падение человеческой души», ведущее к деструктивному, агрессивному поведению и некрофилии.

Это явление, существующее в реальных условиях жизни реального человека, рассмотрены Фроммом на страницах многих его предыдущих книг, но «Революция надежды» и «Анатомия человеческой деструктивности» подводят итог этим исследованиям. Важность и актуальность проблем деструктивного с тех пор не возрастает. Мысль Фромма, высказанная им еще в книге «Бегство от свободы», о том, что человека толкают к разрушительности не животные инстинкты, что она связана с его сущностными качествами, сейчас все больше подтверждается. Не отступления от нравственности и религии, а «характер как вторая природа человека» играют главную роль в широком распространении деструктивности в современном обществе. Характер, по Фромму, это «относительно стабильная система всех не инстинктивных стремлений, через которые человек соотносится с природным и человеческим миром». Это именно «вторая природа», которая надстраивается над инстинктивными стремлениями как особый слой, зависящий от социокультурной реальности. Он определяет поведение личности. Фромм пишет, что синдром агрессии нельзя понять, ссылаясь на отдельные чувства человека – любовь, ненависть, добро и зло, их нужно рассматривать в терминах фундаментальных противоречий человеческого существования. Они «коренятся в биологической дихотомии: отсутствующие инстинкты и самосознание». Глубоко исследуя это противоречие, Фромм на основе научного материала делает вывод, что процесс уменьшения деструктивности поведения инстинктами привел к тому, что человек в жизненных ситуациях полагается все больше на разум и социально культурные требования. Понятие «социальный характер» (как «социальное бессознательное») и понятие о «первичных» и «вторичных» чув-

ствах и «страстях» раскрывают понимание Фроммом процесса формирования индивидуального характера и поведения, направленности установок и «ценностных ориентаций», исходящих от общества. Зависимость от норм и требований общества и его давление таковы, что это вызывает в человеке стрессовое состояние и изменяет его чувства. Фромм, например, пессимистически оценивает будущее, в котором люди могут «превращаться в роботов с легкими шизофреническими изменениями психики».

Изменения чувств приводят к проявлению «новых вторичных страстей» – основы деструктивного поведения, направленного на разрушение природы, общественных устоев и самого человека. Эти «укорененные в характере страсти» все больше становятся иррациональными в результате подавления эмоциональной жизни, и это обязательно приводит к деструктивности и агрессивности.

Вообще понятие деструктивности Фромм понимает по-новому и очень широко. В него он включает понятие конформизм и понятия оборонительной агрессии («псевдоагрессии»), а также деструктивность на основе резкого стресса, экстаза, иррациональное поведение на основе индивидуального и коллективного нарциссизма и так далее. Такое поведение он характеризует новым понятием – «доброкачественная агрессия».

Другая форма деструктивности названа им «злокачественная агрессия». Она основана на «чувствах второй группы», на экзистенциальных страстях и потребностях, связанных с трагическими противоречиями и резким ощущением отчуждения, страха, безысходности. Рассмотрению этого вида деструктивного поведения Фромм уделяет почти половину работы.

Самые характерные проявления этого типа деструктивности – садизм, мазохизм и некрофилия. Критикуя узкое понимание этих терминов в концепциях фрейдизма, он пишет, что в сексуальной сфере проявляется то, что уже есть в самом характере человека, например, активное стремление к власти над другими людьми, причинению им страданий и так далее. В качестве иллюстрации черт садистского характера Фромм рассматривает характер и поведение Сталина и других, а говоря о некрофилии, описывает характер и деятельность Гитлера, считая, что это «клинический случай».

Надо отметить, что термин «некрофилия», обычно применявшийся в психиатрии и использовавшийся в психоанализе, Фромм также на основе научных наблюдений и критики учения Фрейда об инстинктах жизни и смерти (Эросе и Танатосе) и других концепций трактует широко. Сам термин был введен М. де Унамуно, но Фромм сразу придал ему свое содержание, уже в первых работах рассматривая некрофилию как особую страсть, которая в XX веке нашла полное и особое выражение. Он описывает современные признаки некрофилии, которую считает широко распространившейся в индустриальном «кибернетическом» обществе, когда люди живут во власти «мегамашины». Эти признаки он видит в стремлении ко всему механическому, «в упоении пульсацией» (в том числе в современной музыке), в превращении общения в фактическое и манипулятивное, в восхвалении стереотипов и рутины, в ненависти к природному и живому, в стремлении все упорядочить и «наклеить ярлыки» и так далее. Даже носителей бюрократической системы, в которой отношения людей, по его мнению «омертвлены» Фромм считает некрофилами.

Основываясь на своей концепции социального характера как ядре структуры личности, свойственной большинству людей в данной культуре, он пишет, что хотя социальный характер формируется обществом, он может быть сознательно изменен, и тогда изменится и само общество. Как уже отмечалось, в своих философских выводах о сущности человека он обосновывает тезис о противоречивой дихотомической природе человека: тенденции к естественному состоянию человека – Биофилии, то есть любви к жизни.

Содержательная разработка проблемы содержится в работе «Революция надежды», где Фромм пишет, что у современного человека существует подсознательное стремление к состоянию «грудного ребенка», привыкшего полностью находится на чьем-то попечении. Действительно, с тем, что существует эта тенденция в сознании современного массового человека, нельзя не согласиться. Но свою надежду Фромм основывает на том, что хотя «обще-

ственный строй» может сделать с человеком все, формирование личности имеет относительный характер. Он имеет в виду, что осознание человеком своего положения, «раздвоенности» и даже «растроенности», осознание противоречий между разумом и чувствами и своей зависимости может остановить деструктивные тенденции личности и привести ее на путь обретения самой себя, то есть к утверждению в сознании биофилии. Тогда будут развиваться и гуманистические тенденции в обществе. Таким образом, длительный двухсторонний процесс гуманизации может привести к фундаментальному преобразованию человека. Это главная идея Фромма, сквозная тема всех его работ. В «Революции надежды» она высказана категорически: «Мы стоим перед угрозой серьезного кризиса современного человека и мы уже не можем попросту ждать событий и терять время. Пока еще есть надежда...»

Эту надежду Фромм тщательно обосновывает, посвятив разработке проблем гуманизации технологического общества почти половину книги. Он утверждает, что возможность будет осуществлена, если будет постепенно изменяться сознание «той подавляющей части людей, для которых наибольшими ценностями являются разум, здравый смысл и, конечно, любовь».

Для составления программы нужны, по его мнению, специальные исследования, но основные направления изменений Фромм видит в следующем. Во-первых, это «гуманистическое планирование», которое даст возможность активизации способностей человека, выведения его из состояния пассивности и отчуждения. Во-вторых, это замена отчужденных бюрократических методов «гуманистического менеджмента» и его методов, а также введение так называемого «гуманизированного потребления», что должно привести к постепенному необходимому изменению в потребностях, в сфере культуры и в других сферах с целью сделать насущной необходимостью для большинства людей общение, например, с искусством.

Кроме того, одновременно должен идти процесс духовно-психологического возрождения личности. Раскрывая смысл этого процесса, Фромм опирается на идеи многих гуманистов. Он считает человека способным преодолеть свою жадность, эгоизм, деструктивные стремления, и тогда человек «сможет быть вместо того, чтобы иметь и пользоваться». По мнению Фромма, движение радикального гуманизма, который уже существует и в философском, и в политическом, и в религиозном плане, будет активно и широко противостоять дегуманизации и деструктивности, распространенной в массовом сознании.

Фромм уверен, что надежда на изменение, на спасение человека от его разрушительных тенденций существует. В этом смысле идеи Фромма близки к идеям А. Швейцара и его концепции «благоговения перед жизнью», а также и другим теориями гуманистической этики. Но идеи Фромма более, если можно так сказать, практичны. Так, уже разработаны многие новые «гуманизированные» теории управления для всех уровней и созданы практические руководства для менеджеров, которые применяются на практике. Изучение идей Фромма о деструктивности массового сознания и гуманизации современного технологического общества является также интересным, ибо идеи его неисчерпаемы.

Таким образом, разработка Фроммом «новой концепции человека», идеи о необходимости гуманизации общества и проблем деструктивности, характеризующих массовое сознание, остается весьма актуальной.

Литература

1. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: «АСТ», 2003.
2. Маркузе Г. Критическая теория общества. М. Изд-ва «АСТ», «Астрель», 2011.
3. Фрейд З. Психоналитические этюды / сост. Д. И. Донской, В. Ф. Круглянский. – Минск: Поппури, 2010.
4. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М. В. Вульф, А. А. Спектор. – М.: АСТ, 2006.
5. Куттер П., Мюллер Т. Психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. – М.: Когито-Центр, 2011.
6. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. – М.: АСТ, 2010.

7. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. Москва: АСТ, 2000.
8. Фромм Э. Революция надежды. Санкт-Петербург, «Ювента», 1999.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М, ООО Изд-во АСТ, ЛТД, 1998.
10. Фромм Э. Душа человека. М., «Республика», 1992.
11. Головки Ю.В. Этика ответственности – актуальные проявления. Вестник МГУЛ, №2 (78) 2011.

П.Б. Струве и Г.В. Плеханов: к истории одной полемики

к.ф.н. Головин Я.Б.

Университет машиностроения

yarosgolo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена полемике между П.Б.Струве и Г.В.Плехановым в конце XIX – начале XX века по главным проблемам марксистской теории: возможности и необходимости социализма, теории обнищания пролетариата, марксистской формуле противоречия, теории социальной революции, законам диалектики. Доказывается обоснованность аргументов Струве в его критике основ марксизма.

Ключевые слова: марксизм, социализм, социал-демократия, ревизионизм, Струве, Плеханов.

Русский марксизм в конце XIX – начале XX века развивался под знаком двух фигур – Г.В. Плеханова(1856-1918) и П.Б. Струве (1870-1944). В то время эти два мыслителя своей известностью и влиянием на интеллектуальную жизнь России совершенно затмевали фигуру провинциального адвоката – В.И. Ульянова (Ленина), мировоззрение которого формировалось под влиянием этих двух мыслителей. Русский эмигрант Г.В. Плеханов был фигурой европейского масштаба, с начала 90-х годов он публиковался в европейских социал-демократических изданиях, находился в переписке с ведущими деятелями европейской, прежде всего немецкой социал-демократии, в том числе с Энгельсом. Начиная с середины 90-х годов и до начала нулевых главным теоретиком марксизма внутри России был П.Б. Струве. Среди прочего он был автором статей о Марксе и европейских социал-демократах (Каутском, Лассале и др.) в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, под его редакцией вышло в 1899 году очередное издание «Капитала», в предисловии к которому он выделил три источника, три составные части марксизма, известные всем советским школьникам. Тем интереснее разногласия Струве и Плеханова, вышедшие на поверхность в 1899 году и позже. В российской политической истории были свои Бернштейн и Каутский, аргументы которых вот уже более ста лет повторяют в своих спорах радикалы и реформисты в левом движении. Советский марксистский канон сформировался во многом на базе той полемики, и, разумеется, именно аргументы Плеханова были приняты как истинные. Ведь Ленин эту часть творчества Плеханова оценивал очень высоко, он писал, что Плеханов «крупный теоретик, с громадными заслугами в борьбе с оппортунизмом, Бернштейном, философами антимарксизма», что «... нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [1]. В эпоху новой России результаты той полемики оказались непременными, а ведь Струве отстаивал идею построения социально ориентированного государства без насилия и революций. Что на данный момент является общим местом риторики почти всех российских политических сил. Ведущий исследователь творчества Струве американский советолог Р. Пайпс указывает в своём главном труде [2], в соответствующем разделе, на существование критических статей Плеханова, но никак их не анализирует. Цель данной статьи – на базе малоизвестных источников – «ревизионистских» статей Струве 1899 года [3, 4] и ответных статей Плеханова 1901-1902 гг. [5] – показать, как формировалась социал-реформистская (то есть социал-демократическая в европейском